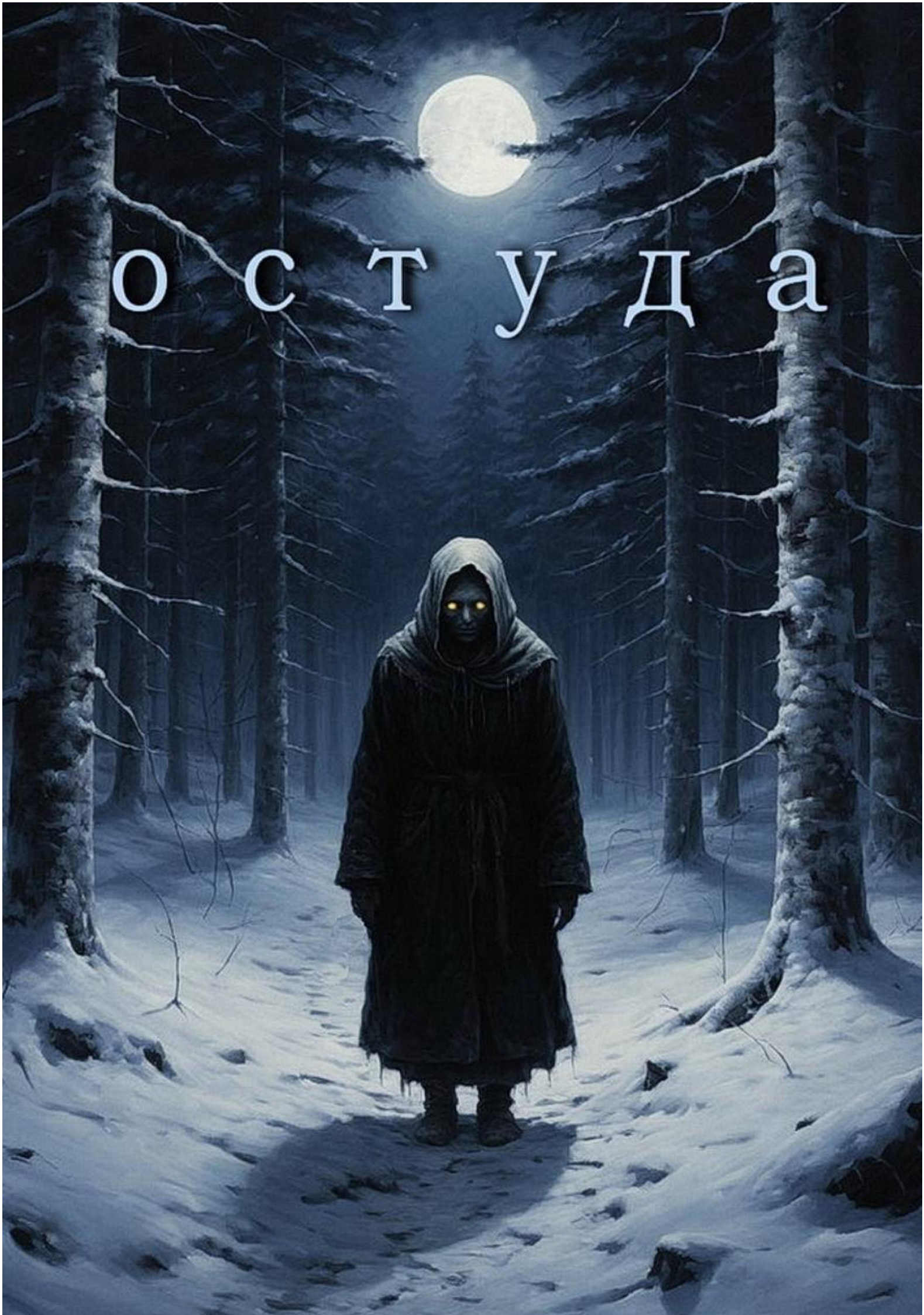
оттуда

Мария Роше

Остуда

«Автор»
2026

Роше М.

Остуда / М. Роше — «Автор», 2026

Дмитрий Иванович Яхонтов, корнет лейб-гвардии кавалерийского полка, обесчестил чужую невесту и вынужден бежать от гнева обманутого жениха в глухие тверские леса. Но возмездие уже идёт за ним по пятам и скоро настигнет его в неожиданном месте, в непредвиденном облике...

© Роше М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 9

Мария Роше
Остуда

ОСТУДА

«Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем;
можно поручиться, что он не останется ненаказанным».
(Ветхий Завет. Книга Притчей Соломоновых)

В двадцатых числах декабря тысяча восемьсот шестьдесят шестого года корнет Первой кавалерийской дивизии гусарского полка Дмитрий Иванович Яхонтов спал у себя в скромно обставленных меблированных комнатах, и снилась ему, вопреки обыкновению, покойная маменька. Будто сидит она у окна в неизменном вдовьем уборе, прижимает платочек к губам и шепчет: «Побойся Бога, Митенька… Побойся Бога!»

И только Дмитрий Иванович вознамерился спросить у старушки, чем она, собственно, недовольна, как сон его прервали самым бессовестным образом. Хлопнула входная дверь, гулко затопали сапоги, и в спальню Яхонтова ворвался его денщик — точнее, нанятый в услужение толковый мужик из деревенских: иметь настоящего денщика молодому корнету пока что не позволяли ни звание, ни выслуга лет. Звали денщика Фёдором, росту в нём было без малого десять вершков[1], и сейчас добротный тулуп на богатырской груди его был распахнут, а рыжий треух съехал набок.

— Вашеблродье, беда! — отдуваясь, выпалил Фёдор. — Бечь вам надо отсюдова и поскорее! Прознал, проклятый, прознал обо всём!

— Федька, леший… — пробормотал Дмитрий Иванович, мысленно отпуская маменьку. И подскочил на постели: — Как прознал?! Я ведь ни единой душе…

— На трезвую-то голову да, — Фёдор тяжело прошагал к шкапу за висящей на гвозде шинелью из теплого сукна. — Но было дело, после двух бутылок шампанского поручику Литвинову проговорились, а Литвинов, шельма, тот ещё вестовщик[2]. Одевайтесь, вашеблродье, полковник лютует, того и гляди будет здесь!

Яхонтов вздохнул. Выпростал себя из одеял, потянулся было за мундиром, но передумал и надел повседневный тёмно-зелёный сюртук с белым подбоем, красным воротником и эполетами. К нему полагались серые рейтузы с красными лампасами и синяя шапка с красным околышем. Пусть не так нарядно, как в красном доломане с ментиком, синих чакчирах, украшенных золотыми галунами, в кивере с белым султаном[3], зато менее приметно на улицах города. Если бежать, так делать это надо с умом, которого ему явно не хватило на то, чтобы до конца остаться неузнанным…

***

Месяцем ранее Яхонтов был гостем на свадьбе начальника штаба Первой кавалерийской дивизии полковника Петра Семёновича Гуцайло.

Надо отметить, что столь значимое событие неожиданно для всех перенесли с Иванова дня[4] на последний скоромный день перед Рождественским постом[5]. Венчание состоялось бук-

---

[1] *Примерно 186 см.*

[2] *Сплетник.*

[3] *Элементы парадной гусарской формы тех лет.*

[4] *Иванов день (Зимний свадебник, праздник в честь святого Иоанна Предтечи) отмечали 20 января. Он открывал период свадеб, который длился до Масленицы. Верили, что брак, заключённый в это время, будет счастливым и долговечным.*

[5] *В XIX веке этот день приходился на 14 ноября. С 15 ноября до 25 декабря — Рождественский пост.*

вально через неделю после помолвки. Причины такой торопливости назывались разные, чаще всего — срочный отъезд жениха в Москву за неотлагательной надобностью, и только близкие друзья полковника, в их числе непосредственный командир Яхонтова генерал-лейтенант Столпаков, многозначительно переглядывались и намекали в узком кругу, что Гуцайло «имеет некие сомнения насчёт благонравия невесты». Дмитрий Иванович, замечая подобное, весь дрожал от негодования и страха.

Невестой полковника была юная Варинька Астафьева, дочь генерала, кроткая, как голубица, одарённая красотой нимфы и страстностью лесного пожара. По долгу службы часто бывая в доме её отца, Яхонтов был очарован девушкой с первого взгляда, совершенно потерял голову и, как безумный, бросился на приступ, ещё не зная, что генерал давно уже обещал руку дочери старому приятелю, с которым вместе воевал в Крыму. Русые кудри, военная выправка, лихо подкрученные усы на смазливом лице и умение декламировать сонеты Шекспира в оригинале за пару визитов безвозвратно покорили девичье сердце, и Варинька бросилась в омут сумасбродной взаимной любви. Они тайком встречались в саду, в заброшенной, увитой плющом беседке, где сперва не сводили друг с друга глаз и робко держались за руки, а потом стали позволять себе более смелые занятия, пока однажды в начале осени не увлеклись настолько, что по возвращении домой нимфе пришлось прятать от горничных весьма недвусмысленное алое пятно на нижней юбке. Яхонтов в сладкой неге мечтал, что теперь-то они с Варинькой непременно поженятся. Однако вскоре генерал объявил о грядущей помолвке с Гуцайло, и мечты корнета растаяли, как прошлогодний снег. Более всего Дмитрия Ивановича тяготило то, что теперь они с предметом его воздыханий будут навечно разлучены и нежная Варинька станет принадлежать другому. Не раз и не два накануне чужой свадьбы он просыпался в своей одинокой комнате весь в слезах и клял незавидную судьбу сына обедневших помещиков, получившего в наследство от покойных родителей неустроенное имение и двадцать пять десятин земли.

Итак, свадьба состоялась, и в доме генерала Астафьева устроили праздничный вечер с музыкантами, шампанским и танцами. Только новобрачные не выглядели радостными: полковник не стал танцевать с женой и, едва просидев за столом положенный час, отведённый на поздравления, решительно повёл молодую супругу в спальню…

Здесь Яхонтов не выдержал и покинул гостеприимный дом, чтобы вернуться к себе и прорыдать весь вечер. Жалея хозяина, Фёдор принес ему водки, и после двух рюмок Дмитрий Иванович забылся глубоким беспамятным сном, слегка успокоившим в его сердце муки любви и ревности.

Потом ему рассказали, что спустя два часа новоиспеченные супруги Гуцайло снова вышли к гостям. Глаза у Петра Семёновича были лютые, как у покойного императора Петра в минуты ярости, а Варинька шла нетвёрдо, растерянно улыбалась, и одна щека её была бледна, а вторая пунцова, словно после крепкой оплеухи. Тотчас же полковник велел подавать лошадей, и молодые уехали. Как выяснилось позже, Гуцайло отвёз жену к себе в деревню, а сам, не задерживаясь, вернулся в Тверь с целью выяснить, кто же посмел разрушить его семейное счастье.

До сих пор Яхонтову удавалось благополучно скрывать свою причастность к этой неприятной истории. Но, как следует из известной русской поговорки, сколько верёвочке ни виться, а кончик-то вот он…

***

Для побега взяли полковых лошадей. Яхонтов увёл своего коня, серого в яблоках Зевса, Фёдору досталась пожилая гнедая кляча из тех, что ходили в обозе и прозвища не имели. Из оружия прихватили кавалерийский штуцер[6] — на всякий случай.

— Куда едем-то, вашеблродье? — спросил денщик уже на окраине города. — Никак к вам в Новогородчину?

— Дурак, — огрызнулся Яхонтов, оглядывая расстилающиеся перед ними заснеженные луга. — Если отправлюсь в имение, поймают меня в тот же день. Там и будут искать в первую очередь, поэтому свернём в другую сторону. Тверская губерния велика, в какой-нибудь деревушке отыщем приют. А там, глядишь, поуляжется, поутихнет. Не вечно же полковник будет требовать сатисфакции…

— Кого? — наморщил лоб Фёдор, но Яхонтов только махнул рукой в сторону узкой дороги, ведущей прямиком через лес.

Ехали молча. Сперва галопом, но лошади быстро устали и перешли на рысь. Ближе к вечеру стала подниматься метель, дорога запетляла, потом вовсе пропала, и кони пошли шагом: Яхонтов прокладывал путь, денщик его, словно верный оруженосец, брёл следом.

В лесу не было ни души. Столетние ели, качая тяжёлыми лапами, роняли на незваных гостей целые пригоршни снега. Когда опустились сумерки, ещё больше похолодало и замело сильнее: ветер неистово сёк кожу и, словно алчущий зверь, старался добраться до глаз. Яхонтов дрожал в своей суконной шинели и шерстяных рейтузах так, что зуб на зуб не попадал. Фёдор недовольно кряхтел и прятал лицо в воротнике тулупа.

— Вашеблродье, — наконец взмолился он, — надо к жилью выезжать, не то околеем вусмерть! Сегодня никак Корочун[7]: холод собачий, сопли в носу застывают, ещё чуть — и муды примёрзнут к седлу!

Яхонтов огляделся. Дорогу он потерял, но признать, что заблудился, не позволяла гордость.

— Туда! — указал он наобум, в просвет между обледеневшими зарослями. — Шевелись!

А сам подумал: вот было бы славно выйти случайно к деревне, где прозябает Варинька, и в её доме найти приют! Как она там одна, брошенная постылым, мстительным мужем? Быть может, смотрит сейчас сквозь метель и зовёт тихонечко: «Где ты, Димитрий, мой милый друг?»… По щеке мечтательного корнета скатилась слеза и тут же застыла на заиндевевших усах.

— Вашеблродье, возьмите левее! — через полчаса не выдержал Фёдор. — Иначе, ей-богу, замёрзнем, а я Катьку свою вдовой оставлять не хочу и детей сиротить тоже! Чую, есть там деревня, а чутье у меня, как у медведя… Левее, говорю, не туда!

Денщик на гнедой кобыле вырвался вперёд и сам стал указывать путь. Вскарабкались на горку, после спустились к реке, пошли вдоль неё — и вскоре увидели на холме заснеженный частокол, над которым белели крыши домов. Но, сколько ни стучали они в ворота, сколько ни поднимали шум, сперва требуя, а потом умоляя пустить в деревню, им никто не открыл. Только взлаяли пару раз дворовые псы — да и то неохотно, с ленцой, словно говоря замерзающим путникам: вам тут не рады, подите прочь.

Фёдор в сердцах плюнул на частокол — слюна повисла и в тот же миг побелела. От холода сводило скулы, Яхонтов трясся как в лихорадке. Беспомощно озираясь, он вдруг заметил неподалёку, среди сосновых стволов, жёлтый, манящий домашним теплом огонёк. Неужто почудилось?

— Федька! — прохрипел он. — Глянь, внизу не изба ли?

---

[6] *Укороченное нарезное ружьё.*

[7] *День Корочуна, 21 декабря — зимний солнцеворот, время самых сильных морозов.*

— Она! — обрадовался денщик. — Дай-то боженька, там живут добрые люди, не этим злыдням чета.

***

Добрые люди им тоже не открывали, пока задубевший и потому озверевший Фёдор не пнул как следует крепкую дверь и не выматерил притихших хозяев натуральным казачьим загибом[8], после чего внутри послышались голоса, лязгнул засов и наружу выглянуло бледное лицо женщины. «Ох, матка боска![9]» — выдохнула она и распахнула дверь шире, пропуская гостей за порог.

Яхонтов и Фёдор ввалились в тепло едва ли не на последнем издыхании.

С Дмитрия Ивановича, почти сомлевшего, слупили одежду, сдёрнули сапоги. Хмурый седой мужик закутал его в одеяла, уложил на постель, накрыл овчинным тулупом, и Яхонтов, едва согревшись в хорошо протопленной комнате, тотчас уснул. Снились ему запах водки, Федькин раскатистый храп и робкий девичий голос, прошептавший над ухом «Яки ладне! [10]».

Проснулся Дмитрий Иванович уже утром, от собственного надрывного кашля, и, испугавшись незнакомой обстановки вокруг, выскочил из одеял. Но Фёдор, сидевший в исподнем на соседней постели, успокоил его: мол, всё хорошо, никакой опасности нет.

— Приютила нас семья благородная, верующая, — рассказывал он. — В каждой комнатке по распятию: бога чтят, не то что нехристи те с холма.

— Отчего ж долго не открывали?

— Так ясное дело: ночью, особливо на Святках, ночные гости-то все от лукавого.

— Почему тогда впустили?

— Так нечисть-то, вашеблродье, известно же, не умеет ни молиться, ни материться! — подмигнул Фёдор. — А оне — старый барин, вдовая барыня и девица, дочка её — хоть из ненашенских, но болтают и понимают по-нашему справно. Сказали, как проснётесь, извольте выйти откушать со всем семейством.

---

[8] *Большой и Малый Петровский, Морской, Казачий загибы — классические русские матерные формулы, строящиеся как цепь обсценных проклятий. Ведут происхождение из народной магии, от ритуальных заговоров и заклятий. Им приписывали всепобеждающие магические свойства, особенно против иноземных врагов.*

[9] *Матерь Божья (польск.).*

[10] *Какой хорошенький! (польск.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.